

УДК 341.9
ББК 67. 930.0

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ВНЕДОГОВОРНЫЕ ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КНР И РФ

М. В. Лицкас
ООО «ЛиМарк» (Барнаул, Россия)

Законодательство КНР в нынешних условиях представляет значительный интерес для российского юридического сообщества. Особое значение приобретают нормы международного частного права как основа для развития торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В частности, российских контрагентов и физических лиц не могут не интересовать нормы, посвящённые регулированию внедоговорных трансграничных отношений в законодательстве КНР. В связи с этим автор ставил перед собой цель проанализировать Закон КНР «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям», выявить его сходства и различия с положениями, зафиксированными в Гражданском кодексе Российской Федерации, используя сравнительно-правовой подход. В ходе проведённого исследования был сделан вывод о том, что в значительной степени содержательное регулирование вопросов внедоговорной трансграничной ответственности в российской и китайской юрисдикциях совпадает. Вместе с этим в некоторых случаях очевидны отличия в объёме и степени диспозитивности такого регулирования, а также несоответствие перечня регулируемых ситуаций между ГК РФ и в Законе КНР «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям».

Ключевые слова: закон КНР, внедоговорные трансграничные отношения, место причинения вреда, выбор применимого права.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE NORMS REGULATING NON-CONTRACTUAL CROSS-BORDER RELATIONS IN THE LEGISLATION OF THE PRC AND THE RUSSIAN FEDERATION

M. V. Litskas
LLC «LiMark» (Barnaul, Russia)

PRC legislation in the current conditions is of significant interest to the Russian legal community. The norms of private international law are of particular importance as a basis for the development of trade and economic relations between the Russian Federation and the People's Republic of China. In particular, Russian counterparties and individuals cannot but be interested in the norms devoted to the regulation of non-contractual cross-border relations in the PRC legislation. In this regard, the author aimed to analyse the PRC Law «On the Application of Law to Transnational Civil Law Relations», to identify its similarities and differences with the provisions recorded in the Civil Code of the Russian Federation, using a comparative legal approach. The study concluded that to a large extent the substantive regulation of non-contractual cross-border liability in the Russian and Chinese jurisdictions coincides. At the same time, in some cases there are obvious differences in the scope of such regulation, as well as inconsistency of the list of regulated situations between the Civil Code of the Russian Federation and the Law of the People's Republic of China «On the Application of Law to Transnational Civil Law Relations».

Keywords: PRC law, non-contractual transboundary relations, place of infliction of harm, choice of applicable law.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.17](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.17)

В Китайской Народной Республике 28 октября 2010 г. был принят Закон «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» (Law of the People's Republic of China on Choice of Law for Foreign-related Civil Relationships, далее также Закон КНР). Данный нормативно-правовой акт вступил в законную силу с 1 апреля 2011 г. и действует до настоящего времени (конец 2024 г.), несмотря на то, что в 2019–2020 гг. в Китае была проведена кодификация гражданского законодательства, в том числе был принят первый в истории КНР Гражданский кодекс (имеющий также статус первого кодифицированного акта КНР с наименованием «кодекс»).

Гражданский кодекс КНР (далее по тексту ГК КНР) вобрал в себя многие законодательные акты в сфере гражданского права (общее число заменяемых ГК КНР отдельных законов в области гражданского, семейного и наследственного права — 9). Так, в связи со вступлением ГК КНР в законную силу утратили силу Общие положения гражданского права 1986 г., Общая часть гражданского права КНР 2017 г., Закон КНР «О вещных правах» 2007 г., Закон КНР «Об обеспечении исполнения обязательств (гарантиях)» 1995 г., Закон КНР «О договорах» 1999 г., Закон КНР «О браке» 1980 г., Закон КНР «Об усыновлении» 1991 г., Закон КНР «О наследовании» 1985 г. и Закон КНР «О деликтной ответственности» 2009 г.¹

Тем не менее, китайским законодателем, на наш взгляд, была избрана модель не полной, а частичной кодификации, поскольку положения, касающиеся применения норм гражданского (частного) права к отношениям, осложнённым иностранным элементом, не были включены в данную кодификацию (в отличие от модели, избранной российским законодателем при подготовке части 3 Гражданского кодекса РФ, далее по тексту также ГК РФ)².

Таким образом, в настоящее время лишь Закон КНР «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» по-прежнему регулирует коллизионные отношения. Данный закон состоит из 8 глав и 52 статей, при этом вопросам внедоговорной ответственности посвящены четыре статьи шестой главы (ст. с 44 по 47) под наименованием «Права кредитора» (Creditor's Rights) и одна статья (ст. 50) седьмой главы под наименованием «Права интеллектуальной собственности» (Intellectual Property Rights).

Указанный перечень правовых норм призван регулировать не только ставшие уже классическими виды трансграничных внедоговорных отношений, в частности в сфере обязательств (обязательства из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения), но и иные виды отношений. К примеру, ст. 46 устанавливает применимое право в случае нарушения личных прав (права на имя, право на портрет, право на репутацию, право на неприкосновенность частной жизни и т. д.)³, а ст. 47 посвящена в том числе и обязательствам *negotiorum gestio* (из действий в чужом интересе без поручения).

Забегая вперёд, нельзя не отметить, что в настоящее время в Гражданском кодексе РФ подобные по своему содержанию положения отсутствуют. Вместе с этим в отношении Закона КНР «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» следует отметить значительно меньшую вариативность, предоставляемую китайским законодателем участникам соответствующих правоотношений по сравнению с аналогичным правовым регулированием Гражданского кодекса РФ.

Первая статья (ст. 44 Закона КНР) посвящена выбору применимого права в ситуации совершения гражданского правонарушения (деликта):

Article 44. The laws at the place of tort shall apply to liabilities for tort, but if the parties have a mutual habitual residence, the laws at the mutual habitual residence shall apply. If the parties choose the applicable laws by agreement after any tort takes place, the agreement shall prevail

Статья 44. Законы места совершения правонарушения применяются к ответственности за правонарушение, но если стороны имеют общее постоянное место жительства, применяются законы

¹ Гражданский кодекс КНР: краткий обзор. Блог о законодательстве КНР «CNLegal». URL: https://cnlegal.ru/civil_law/china_civil_code_2020/ (дата обращения: 15.09.2024).

² Аналогичным образом в состав ГК КНР не были включены положения, касающиеся регулирования прав на результаты интеллектуальной собственности. В настоящее время отдельно продолжают существовать Закон КНР «О товарных знаках», Закон КНР «О патентах», Закон КНР «Об авторском праве», а также многочисленные подзаконные акты в этой сфере законодательства, принятые на основе вышеуказанных законов.

³ Далее в настоящей работе используется русскоязычный перевод с англоязычного текста Закона КНР «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» из базы данных PKUlaw. URL: https://www.pku-law.com/en_law/7674d9626365d7e3bdfb.html (дата обращения: 15.09.2024).

места общего постоянного места жительства. Если стороны выбирают применимое право по соглашению после совершения правонарушения, соглашение имеет преимущественную силу.

Аналогом данной правовой нормы выступают положения п. 1, п. 2 и п. 4 ст. 1219 ГК РФ. Сходства проявляются в том, что в обоих случаях разработчиками законодательных актов была избрана по общему правилу модель «закона места совершения правонарушения» (*lex loci delicti commissi*), поскольку п. 1 ст. 1219 ГК РФ предписывает: «К обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, применяется право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для требования о возмещении вред». При этом, в отличие от китайского варианта регулирования, текст отечественного Гражданского кодекса дополнительно уточняет, что в случае наступления вреда в другой стране, отличной от места совершения деликта, может быть применено право данной страны при определённых условиях (требуется знание о причинителе вреда, в том числе в форме вменения, о возможности наступления вреда в данной стране).

Имеется сходство и в специальном правиле о применении права места жительства обеих сторон в случае их проживания в одной и той же стране. Здесь ГК РФ вновь идёт по пути дополнений и уточнений, поскольку предусматривается, что стороны могут иметь не только место жительства, но и основное место деятельности (для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц), а также гражданство и регистрацию одной страны, но разное место жительства (п. 2 ст. 1219 ГК РФ). В таких случаях также применяется право такой общей страны.

Заключительным сходством в этой части можно назвать возможность сторонам предусмотреть иную, по соглашению между собой, модель регулирования отношений, возникших между ними в силу причинения вреда. Данное положение неизменно в обоих нормативно-правовых актах (п. 4 ст. 1219 и ст. 1223.1 ГК РФ и последнее предложение ст. 44 Закона КНР). Вместе с этим бросается в глаза отличие Гражданского кодекса РФ от Закона КНР, а именно указание для правоприменителя на необходимость выбора права, подлежащего применению к договору, заключённому при осуществлении обеими сторонами предпринимательской деятельности. В этой части Закон КНР оставляет данный вопрос без решения, равно как и вопрос о сфере действия права, применимого к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, на который, в свою очередь, Гражданский кодекс РФ даёт достаточно подробный ответ (ст. 1220 ГК РФ).

Следующая статья (ст. 45) Закона КНР посвящена выбору права, применимого к ответственности за вред, причинённый некачественной продукцией.

Article 45. The laws at the habitual residence of the infringer shall apply to product liabilities; if the infringer chooses the applicable laws at the main business place of the infringer or at the locality of the infringement, or the infringer has no relevant business operations at the habitual residence of the infringer, the laws at the main business place of the infringer or at the locality of the infringement shall apply.

Статья 45 Законы места постоянного места жительства потерпевшего применяются к ответственности за качество продукции; если потерпевший выбирает применимые законы основного места ведения бизнеса нарушителя или места совершения нарушения, или нарушитель не ведёт соответствующих деловых операций по обычному месту жительства нарушенного лица, то применяются законы основного места ведения бизнеса нарушителя или места совершения нарушения.

В рамках данной нормы аналогии следует искать в ст. 1221 ГК РФ, которая также посвящена ответственности за вред, причинённый вследствие недостатков товара, работы или услуги. Исходя из наименования и гипотезы российской нормы, достаточно очевидным сразу же является следующее различие: российский вариант призван регулировать не только вред, причинённый товаром как вещью, но и вред, причинённый иными нематериальными объектами гражданских прав (работами, услугами).

Другое кардинальное отличие заключается в том, что если в Законе КНР по общему правилу применяется право места жительства потерпевшего, то в Российской Федерации — право места жительства или основного места деятельности продавца или изготовителя товара либо иного причинителя вреда (при условии, что из закона, существа обязательства либо совокупности обстоятельств дела не вытекает иное) (п. 3 ст. 1221 ГК РФ), то есть применяется статут другой стороны правоотношения (по сравнению с Законом КНР).

В то же время схожими в обоих случаях являются положения, устанавливающие выбор покупателя товара в отношении применимого права. В Китайской Народной Республике покупатель может

по своему усмотрению выбрать: 1) закон основного места ведения бизнеса нарушителя; 2) закон места совершения нарушения (приобретения товара). В данных случаях, а также в случае, если нарушитель не ведет соответствующих деловых операций по обычному месту жительства лица, совершившего нарушения, применяются законы основного места ведения бизнеса нарушителя или места совершения нарушения. А в Российской Федерации покупатель свободен в выборе между: 1) правом страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда; 2) правом страны, где имеет место жительства или основное место деятельности потерпевший; 3) правом страны, где была выполнена работа, оказана услуга, или право страны, где был приобретен товар (п. 1 ст. 1221 ГК РФ). При этом такой выбор в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1221 ГК РФ может быть ограничен, если причинитель вреда докажет, что он не предвидел и не должен был предвидеть распространение товара в соответствующей стране.

Следует отметить, что Закон КНР в следующей по счёту статье (ст. 46) предусматривает регулирование, аналогов которому в настоящее время в полной мере в Российской Федерации не существует, а именно регулирование вопросов права, применимого к нарушениям личных (неимущественных) прав.

Article 46. If such personal rights as the right of name, right of portrait, right of reputation, right of privacy, etc. are infringed upon via the network or by other means, the laws at the habitual residence of the infringed shall apply.

Статья 46. Если такие личные права, как право на имя, право на портрет, право на репутацию, право на неприкосновенность частной жизни и т. д. нарушаются через сеть или иными способами, то применяются законы обычного места жительства потерпевшего.

В рамках данной нормы китайский законодатель предусмотрел открытый перечень как личных неимущественных прав, подлежащих защите, так и открытый перечень способов, которыми данные права могут быть нарушены. Речь идёт прежде всего о нарушениях посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет), хотя ими и не исчерпывается всё многообразие способов нарушения. В конечном итоге общим правилом для всех таких нарушений является применение закона обычного места жительства потерпевшего.

В контексте поиска российских аналогов данной нормы следует обратиться прежде всего к ст. 1198 ГК РФ, которая также устанавливает в качестве общего правила применение закона физического лица при нарушении его права на имя (если иное не предусмотрено Кодексом или иными законами). Тем не менее, данный вопрос не является окончательно решённым, в определённой степени даже дискуссионным, поскольку в современной российской цивилистической литературе высказываются различные мнения о том, какой именно статут в рамках правовой системы РФ необходимо использовать в случае нарушения всех личных неимущественных прав, а не только в контексте нарушения права на имя. На основе анализа различных источников можно прийти к выводу о том, что подавляющее большинство отечественных авторов придерживаются необходимости применять *lex loci delicti commissi* (ст. 1219 ГК РФ) [1; 2; 5] в подобных случаях, в том числе обосновывая это тем, что и ранее действовавшее законодательство СССР демонстрировало схожий подход в отношении трансграничного нарушения личных неимущественных прав. Так, ст. 163 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) (ред. от 26.01.1996) прямо предусматривала, что «к личным неимущественным правам применяются по выбору потерпевшего право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о защите таких прав, или право страны, где потерпевший имеет постоянное место жительства». Тем не менее, некоторые авторы считают нужным в дополнение к данному статуту применять и общие правила п. 2 ст. 1186 ГК РФ о принципе наиболее тесной связи отношения с правом той или иной страны [3].

Представляется нужным поддержать вариант, предложенный китайским законодателем, поскольку, к примеру, в ситуации нарушения личных неимущественных прав гражданина РФ посредством использования сети Интернет за рубежом (с зарубежного IP-адреса), и предполагаемого применения в данном случае нормы п. 1 ст. 1219 ГК РФ неизбежно возникает несколько непростых вопросов (лежащих одновременно в материальной и процессуальной плоскостях), в том числе связанных с определением места непосредственного причинения вреда и доказыванием знания или предвидимости знания нарушителем о наступлении вреда в стране проживания потерпевшего. Избежать данных

сложностей, на наш взгляд, поможет применение по аналогии нормы ст. 1198 ГК РФ ко всем случаям защиты личных неимущественных прав (не только права на имя) по образцу Закона КНР.

Крайне интересной представляется норма ст. 47 Закона КНР, посвящённая вопросам выбора права в трансграничных обязательствах из неосновательного обогащения и обязательствам *negotiorum gestio* (из действий в чужом интересе без поручения).

Article 47. The applicable laws chosen by the parties concerned by agreement shall apply to ill-gotten gains and negotiorum gestio. If the parties do not choose, the laws at the mutual habitual residence of the parties shall apply; if there is no mutual habitual residence, the laws at the locality of ill-gotten gains and negotiorum gestio shall apply.

Статья 47. Применимые законы, выбранные заинтересованными сторонами по соглашению, применяются к неправомерно полученным доходам и negotiorum gestio. Если стороны не делают выбора, применяются законы общего обычного места жительства сторон; если общего обычного места жительства нет, применяются законы места нахождения неправомерно полученных доходов и negotiorum gestio.

Если в части обязательств из неосновательного обогащения Закон КНР имеет значительное сходство в основных положениях с Гражданским кодексом РФ⁴, и действовавшей ранее ст. 168 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) (в ред. от 26.01.1996), то в отношении обязательств *negotiorum gestio* отечественный Гражданский кодекс хранит полное молчание.

Нельзя не отметить, что ранее разработчиками Концепции развития гражданского законодательства предлагалось внести соответствующие законодательные изменения в часть 3 Гражданского кодекса, касающиеся регулирования данных отношений. Авторами предлагались различные варианты привязок: *lex causae*, *lex patriae*, *lex domicilii*, а также привязка к месту совершения действий в чужом интересе (к отношениям гестора и третьих лиц применению подлежало бы право места жительства гестора) [4]. Однако по определённым причинам (прежде всего из-за отсутствия примеров подобных отношений в российской правовой действительности) данные нормы так и остались предметом научной дискуссии.

Наконец, последняя статья, которая пусть формально и расположена в другом разделе (в главе 7 Закона КНР) о трансграничных аспектах прав на результаты интеллектуальной собственности, но содержательно относится именно к нормам, регулирующим внедоговорные трансграничные отношения, поскольку посвящена трансграничной ответственности за нарушение интеллектуальных прав.

Article 50. The laws at the locality where protection is claimed shall apply to the liabilities for tort for intellectual property, the parties concerned may also choose the applicable laws at the locality of the court by agreement after the tort takes place.

Статья 50. К ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности применяются законы места, где истребуется защита; заинтересованные стороны могут также выбрать применимые законы места нахождения суда по соглашению после совершения правонарушения.

Говоря об отечественном решении данной проблематики, остаётся лишь согласиться с С. А. Силициным в том, что «российское законодательство о международном частном праве не устанавливает специального регулирования интеллектуальной собственности, не говоря уже об особенностях, свойственных ее отдельным видам: авторским правам, праву товарных знаков, патентному праву и ноу-хау. Как следствие, не развиты и коллизионные средства (механизмы) регулирования отношений, связанных с трансграничным осуществлением исключительных прав и их защитой. Статут интеллектуальных прав остается неразработанным» [5].

Тем не менее, существуют отдельные глубокие исследования, обосновывающие применение различных коллизионных статутов к различным спорам, касающимся ответственности за нарушение прав на результаты интеллектуальной собственности. К примеру, С. Крупко предлагает исходить

⁴ В обоих случаях по общему правилу применяется право страны, где обогащение имело место (*lex loci damni*) (в КНР также может применяться право обычного места жительства сторон, если такое место жительства находится в общей для них стране), или право, избранное самим сторонами по соглашению между ними. Вместе с этим, ГК РФ предусматривает, что в случае прекращения юридических отношений между сторонами должна применяться иная привязка, а именно право страны, которому было или могло быть подчинено это отношение (п. 2 ст. 1223 ГК РФ).

из принципиальной применимости *lex loci delicti commissi* к внедоговорным обязательствам вследствие нарушения исключительных прав (с определёнными оговорками) [6].

С. А. Сеницын при этом предлагает применять и руководствоваться следующим: «к внедоговорному причинению вреда — *lex loci protectionis*, что объясняется спецификой нарушения прав интеллектуальной собственности и их отличием от деликта и, соответственно, невозможности применения *lex loci delicti commissi*. В отношении защиты и осуществления прав по лицензионным договорам следует руководствоваться принципом наиболее тесной связи; в отношении споров об авторстве — *lex loci originis*; в отношении определения условий использования — законом государства места возникновения исключительного права» [5]. На наш взгляд, точка зрения С. А. Сеницына более обоснована и оптимальна, поскольку она опирается на уже выработанные зарубежными правовыми порядками (Германии и Франции) подходы к данной проблеме [7].

Заключение

В рамках настоящей работы автором был проведён сравнительно-правовой анализ норм, посвящённых регулированию различных по своему содержанию внедоговорных трансграничных отношений в законодательстве КНР и Российской Федерации. Было выявлено, что модели регулирования коллизионных вопросов в области трансграничных внедоговорных отношений, избранные отечественным законодателем и законодателем Поднебесной, достаточно схожи, но, наряду с этим, имеют и свои отличия. В числе таких отличий важно отметить следующие: регулирование китайского законодателя охватывает большее число случаев внедоговорной трансграничной ответственности (в том числе и не имеющих аналогов в России), а регулирование российского законодателя зачастую отличается большим объёмом и диспозитивностью выбора, предоставляемого участникам отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Современное международное частное право в России и Евросоюзе : монография / А. Алиев, Ю. Базедов, М. П. Бардина и др.; под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М. : Норма, 2013. Кн. 1. 656 с. // СПС «Консультант Плюс».
2. Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сборник научных статей / В. В. Акинфиева, Л. А. Аксенчук, А. А. Ананьева и др.; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова (Пермь, 18–19 ноября 2016 г.). М. : Статут, 2017. 592 с. // СПС «Консультант Плюс»;
3. Внедоговорные обязательства в международном частном праве : монография / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Т. П. Лазарева и др.; отв. ред. И. О. Хлестова. М. : ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 160 с. // СПС «Консультант Плюс».
4. Козина А. Е. Коллизионное регулирование института действий в чужом интересе без поручения (*negotiorum gestio*) // Коммерческий арбитраж. 2021. N 2. // СПС «Консультант Плюс».
5. Сеницын С. А. Международное частное право: некоторые тенденции развития, традиционные и новеллизационные институты // Журнал российского права. 2024. N 1. С. 35–52 // СПС «Консультант Плюс».
6. Крупко С. Коллизионно-правовые аспекты регулирования интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2014. N 11 (Приложение). С. 3–64 // СПС «Консультант Плюс».
7. Международное частное право: учебник: в 2 т. / Е. А. Абросимова, А. В. Асосков, А. В. Банковский и др.; отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М. : Статут, 2015. Т. 2: Особенная часть. 764 с. // СПС «Консультант Плюс»;